Текст · 23 декабря 2022, 13:17
Гарольд Джеймс,

Геополитика — для лохов. Как одно имперское понятие извратило представления о международных отношениях

В последние десятилетия одним из главных слов, при помощи которых политики в Европе, США, а особенно в России описывают международные отношения, стала «геополитика». Историк и специалист по международным отношениям, профессор Принстонского университета Гарольд Джеймс в статье для *Aeon* рассказывает об имперских корнях этого понятия, а также о том, как оно связано с идеологией Третьего рейха и почему всегда было прибежищем проигравших стран, которые чувствуют себя униженными. «Медиазона» публикует перевод статьи.

Сегодня все говорят о геополитике. Эта идея заразительна, и кажется, что она возникла из ниоткуда. Двадцать лет назад сам термин был экзотическим, а его смысл — причудливым. Мир тогда был другим. В 2002 году в книге «Америка без соперников», вышедшей под редакцией моего коллеги из Принстона Джона Икенберри, последовательного выразителя идеи либерального интернационализма, был задан вопрос: почему другие страны так слабо сопротивляются проявлениям американской воинственности? В тот момент в США зрела идея нападения на Ирак. Авторы сборника считали, что с распадом СССР возможность

баланса потеряна и однополярный мир неизбежен — проще говоря, никакой геополитики. Все изменилось в 2000-х годах, и слово «геополитика» начало свой победный путь в политическом дискурсе.

Существуют простые числовые показатели. Подборка всех употреблений слова «геополитика» в англоязычных газетах показывает постоянный значительный рост с двумя всплесками: один — после мирового финансового кризиса 2007–2008 годов, а второй — в 2014–2015 годах, после того как Россия аннексировала Крым, а Европу захлестнула волна сирийских беженцев.

Начало современного разворота к геополитике мы часто связываем с двумя людьми — Владимиром Путиным и Си Цзиньпином. Путин определил свою историческую миссию в терминах геополитики. Распад Советского Союза, заявил он, стал величайшей геополитической катастрофой XX века. Взрыв геополитического мышления произошел уже в России 1990-х.

Поворотным моментом стала речь Путина на Мюнхенской конференции по безопасности 2007 года, которую он начал с осуждения однополярности:

> Отдельные нормы, да, по сути, чуть ли не вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере — и навязывается другим государствам. Ну кому это понравится? Кому это понравится?

Язык Путина — характерный пример геополитического мышления, следуя которому геополитика должна работать на восполнение потерь, компенсацию чувства неполноценности и память об унижении. Эта риторика есть и у Китая — в разговорах о «веке унижения», который последовал за Опиумными войнами, когда Британия и другие империалистические державы использовали торговлю наркотиками, чтобы подорвать страну морально и физически.

Китайский поворот к осмыслению глобальной геополитики также начался после мирового финансового кризиса, когда казалось, что Китай спасает мировой капитализм. Предшественник Си Цзиньпина, Ху Цзиньтао, уже в 2009 году говорил, что КНР нужно утвердиться в четырех направлениях: «более влиятельная позиция в политике, большая соревновательность на экономическом поле, более привлекательный образ» и «более мощная поддержка нравственности». Он заключил: «Перспектива многополярного мира становится более четкой».

Крым и кризис сирийских беженцев принесли геополитику в каждый дом. Нападение России на Украину в 2022 году — это еще один поворотный момент, где всеобщее внимание сосредоточено, помимо прочего, на российской способности оказывать давление с помощью перекрытия газовых потоков. Сегодня Америка повернута на геополитических вызовах и, соответственно, на идее переосмысления мирового порядка. Министр финансов США Джанет Йеллен говорит о новом принципе глобализации, согласно которому страны должны перестроить торговые отношения так, чтобы цепочки поставок проводились через «френдшоры» (по аналогии с офшорами), то есть отношения должны выстраиваться исключительно с верными союзниками, а зависимость от стратегических противников должна уменьшаться. И это свидетельство нервозности США.

Европейский союз со своей мягкой силой тоже не чужд этому увлечению: президент Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен еще при вступлении в должность три года назад говорила, что

организация должна стать «геополитической». В условиях глобализации многие европейцы считают, что Европе нужен свой голос. Аргумент, что крупные страны — члены ЕС (Франция, Германия или Италия) не могут сами по себе оказывать реальное влияние на мировую политику, казался привлекательным. Жозеп Боррель, де-факто министр иностранных дел Евросоюза, делал программные заявления о проблемах многосторонности и открытости, а также о том, что «мы должны заново выучить язык силы и думать о Европе как о геостратегическом акторе высшего уровня».

Действительно ли политики и эксперты, говорящие о геополитике, знают, о чем речь? Геополитика — это классически двусмысленный, туманный термин, который можно применять и в невинных, и в опасных целях. Для одних это смутное представление о континентах и больших географических пространствах. Или просто о том, что география имеет значение и, скажем, Великобритания с большей вероятностью будет торговать с Францией и Ирландией, чем с Новой Зеландией. Для других это система установок, согласно которым реальность состоит из бесконечных конфликтов и пространство в ней важнее идей, а карта значит больше, чем человек. Это мрачный, конфликтный мир, большая игра с нулевой суммой.

Пространство и место, безусловно, имеют значение. Иногда внимание всего мира сосредотачивается на горячих географических точках: некоторые из них захватывают геополитическое воображение, как, например, восточное Средиземноморье, Дарданеллы. Проход между Черным и Средиземным морями

приобретает глобальное значение — тонкая игла, соединяющая производящие зерно регионы центральной Евразии, где доминирует автократия, с голодающими потребителями.

* * *

Стоит спросить, откуда возникла вся эта потребность в геополитике и как родилась связь между геополитикой и унижением. Что может быть дальше от украинской бойни, кипучих вод Босфора, Тайваньского пролива или сектора Газа, чем мирная баварская ферма? К юго-западу от Мюнхена, на зеленых холмах всего в нескольких милях от бенедиктинского монастыря, эта ферма с видом на озеро Аммер стала местом ежегодного паломничества тысяч баварцев — за пивом. В отличие от остальной Баварии, коровы здесь не пестрые коричнево-белые, а более тяжелые, крупные, с густой черной шерстью — шотландская порода галловей. Ферма Хартшиммельхоф принадлежит одной и той же семье вот уже больше ста лет: тесть подарил ее на свадьбу Карлу Хаусхоферу, самой влиятельной фигуре в развитии изучения геополитики в начале XX века.

Именно Хаусхофер заложил подвижность в само определение этого термина. Он считал себя пророком геополитики, но — что показательно — никогда не мог четко объяснить, что это, собственно, такое. Характерной попыткой была «наука о политической форме жизни в ее естественных условиях обитания». Или требование, чтобы «геополитика была географическим сознанием государства».

Прошлым летом я посетил Хартшиммельхоф со своей семьей. Как сообщал сайт, фермерский магазин, торгующий бумажными изделиями, работал всего несколько часов в неделю. Когда мы вошли, из динамика в углу комнаты зазвучала странноватая смесь музыки и птичьего пения. Людей видно не было. На стене старого фермерского дома напротив магазина висело объявление про злую собаку, и действительно, за довольно-таки сильно разросшимися кустами шевелилось что-то большое и темное. Оно не лаяло и при ближайшем рассмотрении оказалось черным теленком галловейской породы, который, похоже, отстал от стада.

Все в Хартшиммельхофе излучает таинственность. И это очень геополитично. Термин *Geopolitik*, который Хаусхофер подхватил с таким удовольствием, был придуман шведским политиком Юханом Рудольфом Кьелленом, и развивал он его прежде всего в книге «Введение в шведскую географию» (1900). Позднее Кьеллен также разработал теорию о том, что вся европейская история была обусловлена борьбой за три речных бассейна: Рейна, Дуная и Вислы.

Хаусхофер добросовестно перечислил тех, кто повлиял на его работу: это немецкий географ Фридрих Ратцель, который работал с понятием *Raum* («пространство») и ввел определение *Lebensraum*, или «жизненное пространство», и английский географ (и директор Лондонской школы экономики) Хэлфорд Маккиндер. Маккиндер придумал идеологическое и структурное разделение на морские и сухопутные державы, которое стало очень популярным в Германии и России. «Вероятно, это одно из самых

поразительных совпадений в истории, что морское и сухопутное расширение Европы должно в некотором смысле продолжить древнее противостояние между римлянами и греками», — писал он в 1904 году. Критический импульс, которому Маккиндер дал название «стержневая зона», всегда исходил из центра евразийской суши.

Хаусхофер был увлечен азиатской политикой и использовал свой токийский опыт дипломатической службы для написания докторской диссертации «Дай Нихон: размышления о военной мощи, мировом положении и будущем Великой Японии» (1913). Странно, но казалось, что страны «внешнего полумесяца»[1], обозначенного Маккиндером, лучше

знают, как использовать или применять силу, чем континентальные страны, которым еще нужно учиться геополитике. В частности, Хаусхофер был убежден, что Германия должна подражать Японии в ее стремлении к столкновениям с соседями. Хаусхофер хотел «направить взоры Центральной Европы на укрепление и омоложение, которыми Япония обязана "стальной буре"», и эти укрепление и омоложение обязательно должны были быть порождены войной.

Хаусхофер считал, что после окончания Первой мировой войны необходимо перевоспитание населения, чтобы «пробудить спящий геополитический инстинкт», которым уже обладали британцы и японцы и отсутствие которого привело к хаосу в Центральной Европе. Один из учеников Хаусхофера, Рудольф Гесс, рассказал об идее *Geopolitik* молодому мюнхенскому агитатору Адольфу Гитлеру. Тот нашел эту концепцию полезной и

соответствующей своему аморальному взгляду на международные отношения и сделал критический термин *Lebensraum* центральной частью новой политической программы.

Теснее всего Хаусхофер с Гитлером общались, вероятно, в период очень нестрогого заключения Гитлера в Ландсбергской тюрьме после провала Пивного путча в 1923 году. Хаусхофер регулярно посещал в тюрьме Гесса, где тот сидел вместе с нацистским лидером и под диктовку записывал его автобиографический манифест «Майн кампф». Как много идей Хаусхофера вошло в нацистскую библию? Большинство современных исследователей Гитлера и нацизма настроены скептически; в бесчисленных биографиях Гитлера Хаусхоферу уделено мало места. В книге Гитлера ни разу не использовано слово «геополитика». Но там много говорится о неизбежности конфликта и о настоятельной потребности Германии в *Lebensraum*.

* * *

Тем не менее в 1930-е годы, особенно в Великобритании и США, Хаусхофер часто рассматривался как человек, существенно повлиявший на идеологию Гитлера. Сразу после заключения пакта Молотова — Риббентропа 1939 года британское издание *New Statesman and Nation* объяснило, что советско-германское соглашение имело «мало общего с официальной "идеологией" нацистской программы, разглагольствованиями о "большевистской недочеловечности" или романтическим видением похода немецких

колонистов по средневековой модели для завоевания нового *Lebensraum* в Украине. Эти договоренности построены на жестких реалистических принципах, которые в значительной степени украдены из интеллектуального арсенала британского империализма» (то есть у Маккиндера).

По другую сторону Атлантики тоже существовали похожие интерпретации. Один из американских журналов в 1941 году писал: «Генерал-майор и профессор Карл Хаусхофер и его Геополитический институт в Мюнхене с тысячей ученых, технических работников и шпионов почти неизвестны общественности, даже в Рейхе. Но их идеи, их диаграммы, карты, статистика, информация и планы с самого начала определяли действия Гитлера».

На самом деле во время нацистской диктатуры Хаусхоферу пришлось несладко. Для начала по новым расовым законам его жена Марта была еврейкой. Но пока Гесс был заместителем фюрера, его учитель был защищен. После драматического полета Гесса в Шотландию в мае 1941 года, который сам по себе был проявлением того, как рейхсминистр понимал геополитику, могущественного покровителя не стало. Гестапо заподозрило семью Хаусхофер в том, что они давали Гессу советы относительно его полета. Старший сын Хаусхофера Альбрехт, работавший в офисе Иоахима фон Риббентропа, был ненадолго арестован, а после освобождения оказался связан с военной оппозицией. После неудачного покушения на Гитлера в июле 1944 года Альбрехт пытался скрыться, но в конце концов был снова арестован и убит эсэсовцами в последние дни войны, 23 апреля

1945 года. А Карла Хаусхофера месяц продержали в Дахау.

После войны, готовясь к Нюрнбергскому процессу, Сидни С. Олдерман, помощник главного обвинителя от США Роберта Х. Джексона, написал для него в меморандуме следующее:

> Хаусхофер был интеллектуальным крестным отцом Гитлера. Именно Хаусхофер, а не Гесс, написал «Майн кампф» и придумал основу нацистской библии и того, что мы называем «общим преступным планом». Геополитика была не просто академической теорией. Это был действенный динамичный план завоевания сердца Евразии и дальнейшего господства над миром.

Однако в конечном итоге убедить Джексона, похоже, не удалось, и через несколько недель он освободил Хаусхофера из-под ареста. Причиной неожиданного решения Джексона стало вмешательство специалиста в области международных отношений, ученого-иезуита (а также геополитика и основателя Школы дипломатической службы при Джорджтаунском университете в Вашингтоне) Эдмунда Уолша. Хаусхофер увидел в Уолше своего доброжелательного и влиятельного «наставника» и сумел убедить его, что «Майн кампф» была всего лишь одной из «многих эфемерных агитационных публикаций», не имеющей никакого отношения к геополитике. Геополитика могла бы быть полезной, эта концепция начала увлекать многих американских мыслителей.

Уолш не был очевидным кандидатом на роль геополитика: будучи иезуитом, он всегда настаивал на том, что внешняя политика должна быть основана на морали. Но к концу Второй мировой войны он считал, что «с уничтожением немецкой геополитики ее новая форма утверждается в Восточной и Центральной Европе», а Советский Союз «блестяще преуспел в завоевании господства в сердце мира (по Маккиндеру)». Геополитика превращалась одновременно и в новую причину американской нервозности, и в обоснование для установления своего господства. Тогда возникла необходимость в чем-то большем, чем утверждение морали: «Если вы не сможете подкрепить свои идеалы и надежды чем-то большим, чем просто слова, то паровой каток не остановить».

Через несколько месяцев после освобождения из американского заключения, 10 марта 1946 года, Карл и Марта Хаусхофер, находясь в глубокой депрессии, покончили с собой и были похоронены в Хартшиммельхофе. Любящая пара оставила своему младшему сыну Хайнцу записку, два пустых гроба, а также точную карту с указанием места на ферме, где он найдет их тела.

* * *

Геополитическая доктрина была привлекательна не только для зарождающейся западной сверхдержавы. У Хаусхофера было немало последователей и в Советском Союзе. Самым выдающимся его учеником был Карл Радек, секретарь Коминтерна, который позже выступал против Сталина. В 1930-е годы Радек

поддерживал контакты с немецкими дипломатами, и его друзья пытались оправдать их как необходимую подготовку к геополитически выгодному пакту 1939-го. Идея заключалась в том, чтобы вернуть себе влияние, которое, по мнению немцев и русских, они уступили западным державам. Радек также участвовал в переводе Хаусхофера на русский язык. В Большой советской энциклопедии (1929) была опубликована статья венгерского картографа и советского разведчика Александра Радо о «геополитике», которая объяснялась как в основном немецкое явление, ставшее особенно важным в 1918–1919 годах после поражения в Первой мировой и революции: «Но идеологически заострилась, выделилась в особую научную систему геополитика только благодаря идеологическим потрясениям, связанным с империалистской войной и революцией в Германии».

Геополитика была очень соблазнительна для России в «поворотный момент» — подобный тем, что описывал Маккиндер еще в 1904 году. Как и в Германии 1920-х годов, доктрина расцвела после распада могущественной старой империи, подогреваемая идеей, что страна тем самым переживает политическое унижение, навязанное внешним миром. Именно поэтому геополитические идеи расцвели в России 1990-х. Путин утверждал, что в результате крушения советской империи «эпидемия распада перекинулась на саму Россию». Человеком, спровоцировавшим возрождение геополитики, был Александр Дугин, который в 2019 году объяснил истоки своей интерпретации:

Когда я познакомился с его работами, у меня возникло такое же чувство, как когда в 1980–1990-х годах я столкнулся со статусом геополитики как дисциплины в международном экспертном сообществе. Я открыл геополитику с помощью Карла Хаусхофера и работ «консервативной революции» и подумал, что геополитика — это своего рода политически некорректная доктрина, которая в значительной степени все объясняет и очень полезна для нас, для России. Я думал, что геополитика имеет статус чего-то прошлого, чего-то запрещенного, чего-то политически некорректного — и мне это нравилось.

Дугин не просто схож со своим идейным наставником. Точно так же, как за пределами Германии Карл Хаусхофер считался стратегическим вдохновителем гитлеризма, на Западе (гораздо чаще, чем в России) влиянию Дугина приписывают то, что Путин явно вдохновлен геополитическим евразийским проектом. Хаусхофер хотел создать сухопутный блок, простирающийся от Германии через Россию до Японии, и был расстроен нападением Гитлера на Советский Союз в ходе операции «Барбаросса». Дугин говорит о создании евразийской империи и неофашистского интернационала, охватывающего Европу; Путин же часто кажется более заинтересованным в воссоздании Российской империи и сферы влияния, а также в ослаблении ЕС и США.

Даже в личной жизни этих двух идеологов есть мрачные совпадения. Нацистский режим убил сына Хаусхофера. Некоторые наблюдатели считают, что за убийством дочери Дугина Дарьи после

фестиваля «Традиция» могут стоять российские спецслужбы, которые хотели использовать его, чтобы обвинить в теракте Украину и запугать отца Дарьи, критиковавшего Путина с националистических позиций.

Оба мыслителя очаровывают сторонних наблюдателей, пытающихся разобраться в интеллектуальной динамике опасного момента. Когда в 2015 году США ввели санкции против ключевых фигур в России, Дугин был в списке. Как и комментаторы США и Великобритании 1930-х годов, ученые, вероятно, переоценивают привлекательность геополитического мыслителя для политического лидера. Сам Путин последовательно преуменьшает связь Дугина с российскими властями; но Путину вполне может быть полезно иметь на заднем плане еще более радикальные фигуры, чтобы казаться в своей методологии и подходе к международным отношениям разумным и расчетливым правителем.

Как и в межвоенную эпоху, «геополитика» стала громким словом, которое несет в себе опасную идею. Геополитика должна быть признана тем, чем она является: попыткой понять мир людьми и странами, которые считают, что они проигрывают. Как и в Германии после 1919 года, это выглядит привлекательным способом объяснения нового хаотичного мира, к которому прибегают запутавшиеся люди. Реальная опасность заключается в том, что этот образ мышления кажется настолько привлекательным, что отравляет политику и других стран. Призрачный мир Хаусхофера и Хартшиммельхофа — это памятник

запутанной реакции на запутанность. И мрачное предупреждение.

Автор: Гарольд Джеймс

Оригинал: *Geopolitics is for losers*, *Aeon, December 1, 2022*

Перевод: Вера Нифлер

---

1. Морские державы обеих Америк, Австралия, Океания, Африка южнее Сахары, Британские острова и Япония.